

ПОЪЗДКА ВЪ ПЕРСИЮ

въ 1863 году.

I.

ПУТЬ ДО ТАВРИЗА И ПРЕВЪВАНІЕ ВЪ ТАВРИЗЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Кавказъ принадлежитъ Россіи, новый правитель этого края, спустя нѣкоторое время по прибытіи своемъ, отправлялъ отъ себя, по принятымъ восточнымъ обычаямъ, посланныхъ въ Персію, съ извѣщеніемъ о своемъ назначеніи. Правительство персидское присылало уже затѣмъ своего уполномоченнаго сановника, для поздравленія намѣстника съ милостию Императора и съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Настоящій случай выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ: въ первый разъ намѣстникомъ на Кавказъ назначенъ былъ братъ Императора; поэтому турецкій султанъ и наследникъ персидскаго престола (живущій въ Тавризѣ) первые прислали своихъ уполномоченныхъ привѣтствовать Великаго Князя и поздравить Его Высочество съ благополучнымъ прибытіемъ. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе, Его Императорское Высочество изволилъ назначить миссію: изъ генералъ-лейтенанта Минквица, уполномоченнаго передать шаху письмо и изъяснить, вмѣстѣ съ выраженіемъ дружбы, надежду, что, съ прибытіемъ Великаго Князя на Кавказъ, пріязненные сношенія между обоими сопредѣльными государствами еще болѣе упрочатся и будутъ содѣйствовать къ процвѣтанію и благоденствію обоихъ государствъ; полковника Понсе, для передачи письма наследнику шаха и для выраженія благодарности велиагду (наследнику персидскаго престола) отъ имени Его Высочества, за сдѣланное привѣтствіе; статскаго совѣтника Графа (быв-

шаго первымъ драгоманомъ при нашемъ посольствѣ въ Тегеранѣ) и секретаря г. Бегларова. Кромѣ этихъ лицъ, находились при миссіи генеральнаго штаба подполковникъ Салацкій, штабсъ-капитанъ баронъ Винпсиръ, состоявшій при штабѣ артилеріи; адъютантъ тифлискаго генераль-губернатора, штабсъ-капитанъ Копьевъ; лекаръ Виноградовъ; личный переводчикъ генерала Минквица, коллежскій асесоръ Визировъ; адъютантъ поручикъ Рейтеръ, губернский секретарь Карташевъ и офицеръ корпуса топографовъ поручикъ Ограновичъ. Къ остальнымъ лицамъ миссіи принадлежали: два фотографа—гг. Кондратенко и Сабень-Гусъ; курьеръ дипломатической канцеляріи; одинъ жандармъ, два урядника и 8 казаковъ собственнаго конвоя намѣстника, подъ командою штабсъ-капитана Гватуа.

19-го сентября все посольство представлялось Великому Князю, и затѣмъ начались сборы въ дорогу.

На Кавказѣ, по всѣмъ почтовымъ дорогамъ, кромѣ военно-грузинской, комплектъ лошадей весьма небольшой; поэтому членамъ миссіи невозможно было отправиться всѣмъ вмѣстѣ. Генераль Минквицъ распорядился такимъ образомъ, чтобы члены миссіи отправлялись малыми партіями и къ 12-му октября должны были всѣ съѣхаться въ г. Нахичевани.

13-го числа, члены миссіи, кто верхомъ, кто на перекладной, а нѣкоторые въ нѣмецкихъ фургонахъ, собрались въ джюльфинскомъ карантинѣ. Подъѣзжая сюда, мы замѣтили на противоположномъ берегу Аракса лагерь: оказалось, что персидское правительство выслало на встрѣчу миссіи мегмандара (сопровождающаго) сергенка-мирзу Мегти-Кули-хана, который, въ парадной формѣ, переѣхалъ на нашу сторону и поздравилъ генерала Минквица съ благополучнымъ прибытіемъ на границу. Съ нимъ же пріѣхалъ, командированный изъ Тавриза, драгоманъ консульства, г. Ивановскій.

Въ этотъ день, по случаю празднованія рожденія Великаго Князя намѣстника, въ залѣ карантиннаго дома былъ обѣдъ для всѣхъ чиновъ, съ обычными тостами, сопровождавшимися ружейными выстрѣлами. Для конвойныхъ казаковъ, пограничной стражи и персидской прислуги, прибывшей съ мегмандаромъ, обѣдъ былъ приготовленъ на терасѣ, въ палаткѣ, по-восточному, т. е. на коврахъ.

Послѣ обѣда, казаки составили кругъ и запѣли свои род-

ныя боевыя пѣсни, которыя сложились на берегахъ Терега и Кубани.

Когда солнце начало скрываться за горизонтомъ и послѣдніе лучи еще сверкали на гладкой поверхности Аракса, на противоположномъ берегу, съ вершины караульнаго дома, раздался призывъ муэдзина правобѣрныхъ на вечернюю молитву. Его голосу вторилъ персидскій горнисть, старательно игравшій зорю.

На другой день (14-го), съ ранняго утра, начали переправлять на персидскій берегъ, на двухъ небольшихъ паромахъ, вещи и прислугу. Во время переправы, фотографы сняли видъ картины. Къ двумъ часамъ пополудни всѣ переправились и разлѣстились на ночлегъ одни въ палаткахъ, а другіе въ комнатахъ персидскаго карантиннаго дома.

Мегмандаръ Кули-ханъ привелъ съ собою 40 верховыхъ лошадей, 40 вьючныхъ и нѣсколько верблюдовъ. Для генерала Минквица и его свиты высланы были лошади отъ велиагда и сердара, остальные взяты отъ артилеріи. Между прочимъ, велиагдъ прислалъ для генерала четырехмѣстную карету старинной конструкціи, на стоячихъ ресорахъ, обитую внутри бархатомъ, съ двумя дверцами и четырьмя окнами. Карета запрягалась шестью лошадьми по двѣ въ рядъ, съ тремя вьючными. Кромѣ того, привезены были столы, стулья, часть посуды, столовое бѣлье, запасъ винограднаго вина и провізія. Все это на время путешествія до Тавриза. Впрочемъ, мы сами взяли изъ Тифлиса столовый сервизъ на 20 человекъ и походную мебель и имѣли при себѣ трехъ поваровъ и буфетчика.

Для незнакомыхъ съ состояніемъ дорогъ въ Персіи можетъ показаться страннымъ, что мегмандаръ привелъ для насъ такое количество лошадей; но это объясняется очень просто: по здѣшнимъ неразработаннымъ дорогамъ экипажной ѣзды почти нѣтъ; есть караванная тропа, по которой ѣздятъ верхомъ, а тяжести перевозятся на вьюкахъ. Обыкновенно путешественники слѣдуютъ съ караваннымъ транспортомъ на вьючныхъ лошадяхъ и на верблюдахъ. Почту возятъ на верховыхъ лошадяхъ, въ переметныхъ сумкахъ.

Судя по рассказамъ персіянъ, правительство ихъ медлитъ устройствомъ путей сообщенія потому, что, въ случаѣ внѣшней войны, непріятелю будетъ трудно и даже невозможно двигаться большими массами по караванной тропѣ. Таковы до

сихъ поръ понятія нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ Персіи. А между тѣмъ многіе изъ нихъ бывали въ Европѣ; но въ томъ-то и дѣло, что возвратившіеся изъ Европы подданные его шахскаго величества скоро забываютъ видѣнное ими у просвѣщенныхъ націй, становятся прежними персіянами и лишь нрѣдка утѣшаютъ себя мыслию, что когда-нибудь и у нихъ будетъ такъ же, какъ и у еренги (европейцевъ).

Еще до восхода солнца, 15-го октября слышались звуки бубенчиковъ и колокольчиковъ, все зашумѣло, засуетилось и начались сборы; палатки же и особыя тяжести были отправлены еще съ полуночи. Говорятъ, что въ дорогѣ первый подъемъ самый трудный. Такъ было и съ нами. Одному досталась лошадь безъ уздечки, другому сѣдло безъ подпругъ; тамъ возня съ вьюками. Но какъ всему на свѣтѣ есть конецъ, то и мы снарядились и тронулись въ путь.

Съ переходомъ чрезъ границу, для нашего доктора началась обильная практика. Привели персіянина, раненаго кинжаломъ въ спину. Этотъ горемыка, не имѣя законнаго вида, хотѣлъ пробраться въ Персію при содѣйствіи одного пріятеля, который взялся тайно провести его мимо караульныхъ постовъ, что и исполнилъ; но онъ потребовалъ денегъ за оказанную услугу, а тотъ не давалъ. Завязалась драка, и такъ какъ пріятель былъ сильнѣе, то отобралъ у бѣдняка всѣ деньги и ударилъ его на память кинжаломъ. Раненый пробылъ безъ помощи шесть дней, но, во время перевязки, сожалѣлъ болѣе объ деньгахъ, чѣмъ объ ранѣ. Проѣхали мы [не болѣе десяти верстъ, какъ одинъ изъ черводаровъ (*) догналъ мегмандара и, заливаясь слезами, просилъ защиты, показывая лѣвую кисть руки, разрубленную кинжаломъ. Одинъ изъ сарбазовъ (солдатъ), состоявшихъ въ конвоѣ, не захотѣлъ идти гѣшкомъ и потребовалъ, чтобы черводаръ уступилъ ему свою лошадь. Получивъ отказъ, сарбазъ употребилъ въ дѣло кинжалъ. Ханъ приказалъ наказать его нагайками, собственноручно сорвалъ съ груди виновнаго медаль за военные достоинства и велѣлъ унтеръ-офицеру ставить его на часы на ночлегахъ до самаго Тавриза, съ тѣмъ, чтобы при немъ стояли, попеременно, другіе солдаты и не давали ему спать. Генералъ Миняквицъ, узнавъ, на первомъ же ночлегѣ, о такомъ жестокомъ наказаніи, упростилъ хана отмѣнить послѣднее распоряженіе, тѣмъ болѣе, что

(*) Почтарей.

сарбазъ уже былъ наказанъ. Раненому сдѣлали перевязку, и онъ успокоился.

Дорога отъ Джульфы (нашъ пограничный городъ) идетъ на востокъ около трехъ верстъ равниной и потомъ подымается на возвышенную плоскость. По обѣимъ сторонамъ дороги, поля были засѣяны и орошаемы съ ближайшихъ горъ водопроводными канавами. Пройдя 15 верстъ, дорога вступаетъ въ довольно узкое ущелье Дерё-Дызь, изъ котораго вытекаетъ небольшая рѣчка. Вода ея, при самомъ выходѣ изъ ущелья, проведена въ каналы; въ самомъ же ущельи построено до десяти мельницъ, и жители со всего Гергерскаго округа свозятъ сюда для помола хлѣбъ. Въ пяти верстахъ дальше къ югу есть небольшой родникъ кислой минеральной воды. Здѣсь дно ущелья, обставленнаго обнаженными скалами, не болѣе тридцати сажень ширины; растительности нѣтъ никакой; дорога безпрестанно пересѣкается канавами и завалена камнями, такъ что караваны двигаются здѣсь съ трудомъ. Карета наша едва тащилась, несмотря на помощь двадцати человѣкъ мѣстныхъ жителей, нарочно собранныхъ для этого случая. Верстахъ въ 23 отъ Аракса, ущелье оканчивается и дорога выходитъ на обширную долину Сагрой-Аляки (или Арзанекъ), гдѣ кончается и Гергерскій округъ. Округомъ управляетъ сергенкъ Рагимъ-ханъ и выставляетъ пять фоджей (полковъ) пѣхоты, каждый въ составѣ 700 человѣкъ, и часть кавалеріи. Доходы съ округа, въ которомъ до 60 деревень, идутъ болѣею частію на содержаніе этихъ пяти полковъ.

Далѣе при подъемѣ дорога раздваивается: прямо чрезъ долину идетъ караванная, направо простая въ деревню Геленъ-Кая, гдѣ намъ былъ назначенъ ночлеги. Мы размѣстились въ нѣсколькихъ сакляхъ съ низенькими дверями и окнами, пробитыми въ потолокъ. Здѣсь мы имѣли случай видѣть странствующаго „мютриба“ (плясуна) съ музыкантомъ, который просилъ позволенія показать намъ свое искусство. Для персіянъ такіе плясуны замѣняютъ театральныя представленія. Въ пяти верстахъ отъ Геленъ-Кая, дорога опять соединяется съ караванной и спускается въ небольшое ущелье. Тутъ мы увидѣли нить телеграфа, проводимую изъ Тавриза къ нашей границѣ. Постройкой телеграфа занимался персидскій инженеръ сергенкъ Ганимъ-Самани и, повидимому, исполнялъ свою обязанность весьма тщательно. Столбы изъ тополя, а нѣкоторые изъ чинароваго

дерева, въ разстояніи одинъ отъ другаго на 33 сажени, были на аршинъ врыты въ землю и на столько же обложены камнями или землей. Замѣтно было стараніе соблюсти въ направленіи столбовъ совершенно прямую линію. Фарсахъ (шесть верстъ) обходился круглымъ счетомъ по 200 тумановъ или по 600 рублей. Проволока и аппараты куплены во Франціи. Отъ Тавриза до нашей границы не было промежуточной станціи, и потому рѣшились построить станцію въ Марандѣ, откуда линія телеграфа направилась бы въ Хой и Урумю.

Версты за четыре до Маранда, выѣхали намъ навстрѣчу сынъ Мехти-хана, начальника Марандскаго округа (отецъ былъ въ Тавризѣ, для представленія годоваго отчета), Рустемъ-ханъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, шейхъ-уль-ислямъ Миръ-Раби и человекъ тридцать всадниковъ, и поздравили генерала съ благополучнымъ прибытіемъ. У самаго же вѣзда въ мѣстечко насъ встрѣтили жители и, зарѣзавъ на нашихъ глазахъ барана (курбанъ), перебросили голову его на другую сторону улицы. Этотъ обычай, часто соблюдаемый на востокъ при встрѣчѣ высокаго сановника, означаетъ почетъ и желаніе благополучія.

Мѣстечко Марандъ раздѣляется на двѣ половины улицей въ 40 сажень ширины, обсаженной тополями; оно окружено богатыми садами и имѣетъ до 600 домовъ. Въ округѣ считается 64 деревни. Марандъ особенно славится своими фруктами и туземнымъ сыромъ. Шейхъ-уль-ислямъ приготовилъ для насъ помѣщеніе въ своемъ домѣ; но такъ какъ оно оказалось недостаточнымъ, то, по предупредительности своей (а главное потому, что въ первый проѣздъ въ Тегеранъ, пятнадцать лѣтъ назадъ, генералъ Минквицъ останавливался въ его домѣ), шейхъ уступилъ намъ еще половину своего гарема, откуда, разумѣется, заранѣе были выведены постоянныя его обитательницы. Къ обѣду генералъ Минквицъ пригласилъ молодого хана и шейха.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи нашемъ къ Тавризу, мы остановились въ четырехъ верстахъ отъ этого города и перешли въ приготовленныхъ для насъ палаткахъ.

Здѣсь насъ встрѣтили исправляющій должность генеральнаго консула нашего въ Тавризѣ, г. Зиновьевъ, секретарь консульства г. Ванщииковъ, переводчикъ Юсуфъ-ханъ, старшина купцовъ русскихъ подданныхъ Унаповъ, со всѣмъ купечествомъ,

военные врачи англійскаго консульства Станіоди-Навара и Кормигъ и мирза Экберъ-ханъ, управляющій торговымъ домомъ Ралли. Г. Зиновьевъ представилъ ихъ всѣхъ генералу Минквицу, называя каждаго по имени. Затѣмъ намъ подвели заводскихъ лошадей, присланныхъ генералу съ конюшни наслѣдника персидскаго престола, а прочимъ лицамъ отъ сердара и другихъ сановниковъ. Сѣдла были вышиты шелками и золотомъ; сбруя съ коваными золотыми и серебряными украшениями и дорогими каменьями. При каждой лошади находился конюхъ. Поездъ тронулся. Въ полуверстѣ отъ города встрѣтилъ насъ Сартинъ-Кадыръ-ханъ, командиръ Мемкинскаго полка, въ красной лентѣ и въ шитомъ мундирѣ. Онъ привѣтствовалъ генерала отъ имени наслѣдника престола и сердара Куль съ благополучнымъ прибытіемъ, освѣдомился о его здоровьи и затѣмъ представилъ поименно всѣхъ лицъ, явившихся съ нимъ для встрѣчи генерала. Сюда же было выслано до 300 всадниковъ ирегулярной кавалеріи. По окончаніи представленія, Сартинъ-Кадыръ-ханъ просилъ генерала Минквица войти въ приготовленную для отдохновенія большую палатку и принять сласти (ширѣны), присланныя наслѣдникомъ престола. Только что мы усѣлись, подали кофе и кальяны, а потомъ чай и шербетъ. Послѣ чая, Сартинъ предложилъ ѣхать въ приготовленный для миссіи домъ въ городѣ. Мы тронулись въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди повели 18 заводскихъ лошадей, покрытыхъ богато-вышитыми попонами; за ними шли 30 феррашей (полицейскіе съ палками), по два въ рядъ, и 20 сарбазовъ въ красныхъ мундирахъ; по сторонамъ, толпы народа увеличивались постоянно до самаго дома. При нашемъ проѣздѣ народъ кланялся. Въ армянскомъ кварталѣ правительство наняло, на время пребыванія миссіи въ городѣ, большой домъ, въ пріемной залѣ котораго, устланной дорогими коврами, на полу стояло пять большихъ подносовъ со сладостями, между которыми возвышались сахарныя головы и фунтики чая. Въ залѣ были разставлены кресла и стулья, что въ Персіи рѣдкость. Вскорѣ прибылъ управляющій иностранными дѣлами въ Тавриздѣ, Нонбулъ-Визоре-мирза-Абдулъ-Вегабъ-ханъ, поздравилъ генерала съ пріѣздомъ и освѣдомился о его здоровьи и о томъ, доволенъ ли онъ мегмандаромъ, сопровождавшимъ его. Вегабъ-ханъ молодой человекъ съ умнымъ и пріятнымъ выраженіемъ лица. Онъ чрезвычайно быстръ въ

разговорѣ и движеніяхъ. Замѣтно, что онъ часто бываетъ между европейцами. Потому прибыли управляющій англійскимъ консульствомъ, г. Абботъ, Сартинъ-Рясанъ-Рохудъ-ханъ, который уже болѣе года проживаетъ здѣсь для устройства нѣкоторыхъ спорныхъ пограничныхъ дѣлъ, но, кажется, мало успѣлъ въ своемъ порученіи и долженъ возвратиться въ Тегеранъ. Представлялся генералу и присланный шахомъ изъ Тегерана, для встрѣчи миссіи въ Тавриздъ и сопровожденія ея до столицы, въ качествѣ мегмандара, Сартинъ-Али-Акберъ-ханъ.

Въ промежутки одни за другими приносились подносы съ разными сластями отъ наследника престола, сердара Куль и другихъ сановниковъ. Главные прислужники, входя въ комнату, разставляли подносы и спрашивали, отъ имени своихъ господъ, о здоровьи генерала, поздравляя его съ благополучнымъ пріѣздомъ. Всѣ эти люди, сдѣлавъ привѣтствіе, оставались въ ожиданіи приличнаго вознагражденія. Странный обычай на востокѣ: за каждую бездѣлицу необходимо вознагражденіе, смотря по важности лица, которому присылаютъ, какъ равно и того лица, отъ котораго прислано. Къ обѣду генераль пригласилъ г. Зиновьева съ членами консульства, Наибуль-Визоре-Вегабъ-хана и новаго мегмандара. На другой день (19-го) пріѣзжали Мустофи-Низаисъ-мирза-Кеграманъ-ханъ, управляющій счетною частію по военному вѣдомству, и Сартинъ-Мемедъ-Сазыкъ-ханъ, завѣдывающій телеграфами. Вслѣдъ за поименованными лицами явился Саады-уль-мулькъ-мирза-Агметъ-ханъ-Амиръ-Туманъ, начальникъ всей артилеріи въ Азербейджанѣ. Онъ сынъ знаменитаго персидскаго сановника, перваго министра Мирза-Таги-хана, кончившаго жизнь близъ города Кашана, во дворцѣ Финъ, куда онъ уѣхалъ для отдохновенія; но, по проискамъ и интригамъ придворныхъ, шахъ рѣшилъ лишить его жизни и послалъ къ нему съ Хаджи-Али-ханомъ петлю. Мирза-Таги-ханъ просилъ у посланнаго отсрочить исполненіе приговора на восемь часовъ и предлагалъ за это 12,000 червонцевъ; но тотъ не согласился, а дозволилъ только осужденному выбрать родъ смерти. Тогда Мирза-Таги-ханъ велѣлъ приготовить теплую ванну и, сѣвъ въ нее, пустилъ себя вровъ. Такъ кончилъ свое поприще извѣстный всей Персіи министр. Онъ много сдѣлалъ добра своему отечеству, но отличался чрезмѣрною строгостію, даже жестокостію и навазывалъ страшно лихоимцевъ. Это многимъ не понравилось, и

противъ него составилаь большая партія недоброжелателей, которая и погубила его окончательно. Это было въ 1852 году. Впослѣдствіи шахъ долго сожалѣлъ, что поддакъ влиянію враговъ своего министра. Въ воспоминаніе заслугъ отца, шахъ оказываетъ особую милость сыну, еще молодому человѣку, но уже получившему портретъ своего государя, осыпанный драгоценными каменьями, и золотую саблю съ брилліантами.

20-го октября, въ полдень, назначенъ былъ пріемъ у наследника престола полковнику Понсе, которому Его Императорскимъ Высочествомъ намѣстникомъ кавказскимъ было поручено передать письмо веліагду. За полчаса до полудня пріѣхалъ помощникъ оберъ-церемоніймейстера, для сопровожденія г. Понсе, отправившагося во дворецъ наследника съ половиною свиты изъ миссіи и со всѣми казаками. Дворецъ расположенъ внутри города, ближе къ восточной сторонѣ; передъ въѣздомъ находятся большія ворота, чрезъ которыя мы въѣхали на широкую площадь „Мейданы-Тунъ“. На лѣвой сторонѣ площади казармы артиллеристовъ, а на самой площади расположено восемь батарейныхъ орудій, впереди которыхъ была выстроена прислуга, держа сабли на караулъ. У противоположныхъ же воротъ стоялъ пѣхотный отрядъ. Здѣсь, оставивъ лошадей, мы вошли въ крытый коридоръ, ведущій на небольшой дворъ, гдѣ помѣщается телеграфическая станція, и потомъ повернули направо и вышли на маленькій квадратный дворикъ, гдѣ въ особо-приготовленной комнатѣ встрѣтилъ насъ оберъ-церемоніймейстеръ Садыръ-Давле-Магмедъ-Гусейнъ-ханъ и, послѣ обычнаго привѣтствія, просилъ всѣхъ садиться. Подали кофе, чай, ширіны и кальяны. Спустя нѣсколько времени насъ пригласили къ наследнику.

Садыръ-Давле шелъ впереди; у послѣднихъ дверей, при выходѣ изъ коридора, стояли два швейцара съ булавами, пѣхотный караулъ и много разной прислуги. Отсюда мы вышли на большой дворъ, по срединѣ котораго маленький бассейнъ, а въ длину двора идутъ три дорожки, вымощенныя кирпичемъ и обсаженныя цвѣтами. На противоположной сторонѣ двора видна была открытая аудіенць-зала, въ которой сидѣлъ веліагдъ Музафферединъ-мирза. Поклонившись ему, по принятому этикету, два раза, у входа въ залу, мы вошли въ нее. Зала небольшая, устланная коврами; потолокъ весь выложенъ мелкими зернальными кусочками; противоположная стѣна отъ входа была раз-

рисована масляными красками: картина представляла лагерь персіанъ, гдѣ на первомъ планѣ былъ Аббасъ-мирза на конѣ. Съ правой стороны залы большія окна съ поднятыми рамами, въ которыя вставлены разноцвѣтныя стекла; въ лѣвомъ углу большой тронъ, обитый малиновымъ бархатомъ. Направо отъ трона сидѣлъ, на небольшомъ креслѣ, велиагдъ, одѣтый въ синій архалукъ на мѣху, сверхъ котораго было длинное, изъ кашемирской шали, верхнее платье, обшитое крупнымъ жемчугомъ; на широкомъ поясѣ висѣла золотая сабля, украшенная драгоценными камнями; на шеѣ, на голубой лентѣ, былъ портретъ шаха, осыпанный крупными брилліантами; на головѣ персидская шапка изъ самыхъ мелкихъ бухарскихъ барашковъ. Велиагду одиннадцать лѣтъ отъ роду, и въ эти годы онъ отличается замѣчательной красотой. Правѣе, у стѣны, стоялъ его дядька, почтенный старецъ Ляля-баши-Риза-Кули-ханъ, который состоитъ при немъ безотлучно. По лѣвую сторону, у окна, находился Наибулъ-Визоре-Вагабъ-ханъ. Полковникъ Понсе, войдя въ залу, остановился передъ наследникомъ, держа въ рукахъ письмо Великаго Князя, въ конвертѣ изъ богатой парчи, обшитой золотою бахрамою съ кистями; затѣмъ, поклонившись еще разъ, въ привѣтственной рѣчи объявилъ возложенное на него порученіе намѣстникомъ кавказскимъ: передать письмо и выразить искреннюю признательность за отправленіе посольства для поздравленія съ пріѣздомъ Великаго Князя въ Тифлисъ. При этомъ Понсе, отъ имени Его Высочества, выразилъ надежду, что, съ прибытіемъ Великаго Князя на Кавказъ, дружественныя сношенія двухъ пограничныхъ государствъ еще болѣе скрѣпятся и будутъ служить вѣрнымъ залогомъ къ благоденствію обоихъ народовъ. Г. Графъ перевелъ рѣчь Понсе на персидскій языкъ такъ хорошо, что стоявшіе тутъ персидскіе придворные неоднократно удивлялись такому твердому знанію г. Графомъ персидскаго языка. Затѣмъ полковникъ подалъ письмо наследнику, который, передавъ его Вагабъ-хану, пригласилъ всѣхъ насъ сѣсть на креслахъ и стульяхъ. Налѣво отъ наследника помѣстился г. Понсе со свитой, направо г. Зиновьевъ, съ чинами консульства.

Велиагдъ спросилъ о здоровьи нашего наследника престола, послѣ чего Вагабъ-ханъ и дядька стали объяснять ежедневное препровожденіе времени принца. Изъ этихъ разсказовъ мы узнали, что утромъ онъ занимается разными науками, изуче-

ніемъ корана, чтеніемъ и письмомъ; затѣмъ присутствуетъ при артиллерійскомъ ученіи, для чего собрано до тридцати мальчиковъ его лѣтъ, и на особомъ дворѣ поставлено для нихъ орудіе. Когда рассказъ кончился, наслѣдникъ изъявилъ желаніе видѣть бывшую съ нами конвойную команду, которая, войдя во дворъ, выстроилась противъ окна. Урядники были въ бѣлыхъ папахъ и въ такихъ же черкескахъ, а казаки въ черныхъ папахъ и въ малиновыхъ черкескахъ, всѣ въ полномъ вооруженіи. Хотя, повидимому, казаки весьма заинтересовали наслѣдника, но когда дядька спросилъ: нравится ли ему ихъ одежда, онъ ограничился отрывистымъ отвѣтомъ: „бадъ-нисть“, т. е. „недурна“. Персіанъ съ малолѣтства пріучають ничему не удивляться, особенно при постороннихъ свидѣтеляхъ. Пробывъ около получаса, полковникъ Понсе испросилъ позволеніе удалиться. Когда же мы стали откланиваться, то велигдъ такъ заглядѣлся на казаковъ, что дядька поспѣшилъ доложить ему о необходимости посмотрѣть и на уходящихъ.

Въ этотъ же день были мы съ визитомъ у Сагабъ-Риванъ-мирза-Фетъ-Али-хана, управляющаго финансовою частію въ Азербейджанѣ, Шуджа-уль-мулькъ-Сорнимъ-паша-хана, гражданскаго губернатора Тавриза Бегляръ-Беги-Магомедъ-Риза-хана и старшаго полицеймейстера города Хаджи-аги.

21-го генералъ Минквицъ, со своей свитой, представлялся наслѣднику и, поздравивъ съ пожалованіемъ ему Государемъ Императоромъ Андреевскаго ордена, объявилъ, что Великій Князь намѣстникъ возложилъ на него порученіе представиться его величеству шаху и передать письмо. Велигдъ освѣдомился о здоровьи намѣстника, спросилъ: „удобно ли генералъ проѣхалъ дорогу отъ Аракса до Тавриза и былъ ли всѣмъ доволенъ“. Генералъ благодарилъ велигда, прибавивъ, что всѣ власти, и особенно мегмандаръ Кули-ханъ, старались доставить всевозможное удобство къ переѣзду его со свитой по Персіи.

По окончаніи представленія, посѣтили Вагабъ-хана, котораго генералъ просилъ къ себѣ обѣдать. Вечеромъ, во время чая, Наибуль-Визоре разговорился объ обязанностяхъ и справедливости сановниковъ, стоящихъ во главѣ управленія, и въ поясненіе привелъ два примѣра, обрисовывавшіе характеръ бывшаго персидскаго шаха Ану-Ширвана. Въ одной провинціи былъ губернаторъ, отличавшійся жестокостію въ управленіи и грабившій даже сопредѣльныя провинціи. Народъ на-

чалъ роптать и отправилъ депутацію съ жалобой къ шаху. Ану-Ширванъ потребовалъ къ себѣ губернатора и, вмѣсто ожидаемаго всѣми наказанія, подарилъ ему дорогую саблю, увеличилъ вдвое окладъ жалованья и отправилъ обратно. Какъ придворные, такъ и депутаты удивлялись, почему виновный не былъ закованъ въ цѣпи и не посаженъ въ тюрьму. На это шахъ отвѣчалъ: „У меня нѣтъ такой цѣпи и такой тюрьмы, которыми можно было бы его удержать: если прикажу приковать его на цѣпь, то онъ легко найдетъ орудіе, чтобы ее распилить; если велю связать его веревками и ремнями, то онъ ихъ разрѣшетъ ножомъ; наконецъ, если бы онъ былъ посаженъ въ тюрьму, то я увѣренъ, что у него нашлись бы друзья, которые его освободили бы. Я сдѣлалъ гораздо лучше, надѣвъ на него цѣпи одолженія и моей милости, отъ которыхъ онъ не въ состояніи освободиться, не измѣнившись къ лучшему“. Послѣдствія показали, что шахъ былъ правъ: губернаторъ оказался однимъ изъ самыхъ преданныхъ слугъ шаха, и народъ благоденствовалъ подъ его управленіемъ. Другой случай, рассказанный Наибуль-Визоре, былъ слѣдующій. Къ тому же шаху пришли двое съ жалобой. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что другой ударилъ его публично въ лицо. Шахъ спросилъ обвиняемаго: „за что ты его ударилъ? развѣ онъ посягнулъ на твою жизнь?“ — „Нѣтъ!“ — „Или, можетъ быть, онъ тебя ограбилъ?“ — „Нѣтъ.“ — „Не обезчестилъ ли онъ твой домъ?“ — „Нѣтъ.“ — Такъ скажи мнѣ, по какой причинѣ ты его ударилъ?“ — „Онъ мнѣ ничего не сдѣлалъ — отвѣчалъ оскорбившій — но мнѣ захотѣлось его ударить, и я ударилъ“. Тогда шахъ приказалъ немедленно казнить виновнаго и обратился къ придворнымъ и народу съ слѣдующими словами: „Вы, можетъ быть, удивляетесь, что за такую ничтожную вину я приказалъ лишить его жизни? Вы слышали мои вопросы и его отвѣты. Я думалъ, что онъ человѣкъ, а онъ хуже звѣря. Чтобы онъ не дѣлалъ впередъ зла, я велѣлъ его казнить“. Окончивъ рассказъ, Вагабъ-ханъ присовокупилъ: „Великій и мудрый былъ шахъ, и съ него-то мы должны брать примѣръ и свято дѣлать то, что предписываютъ намъ законы!“ Но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иначе....

24-го генералъ поѣхалъ со всей свитой къ сержару Куль-Азисъ-хану, который, по болѣзни, не могъ принять ранѣе. У него свой домъ, довольно далеко отъ дворца. Войдя въ ворота,

нужно было пройти коридоромъ, прямо въ садъ, длиною до 100 сажень и шириною около 40; надъво главное зданіе, передъ которымъ большой бассейнъ и кругомъ цвѣтникъ. Насъ повели направо въ большой садъ, посреди котораго находится бассейнъ еще не совсѣмъ готовый; боковыя дорожки ведутъ прямо къ роскошному кіоску; по сторонамъ его резервуары съ фонтанами, а кругомъ крытый навѣсъ, поддерживаемый мраморными колонками; съ потолка спускаются висячія вазы, корзинки и лампы. Кіоскъ состоитъ изъ двухъ комнатъ: первая квадратная, довольно большая, вторая маленькая, вся зеркальная, по срединѣ которой изъ бѣлаго мрамора бассейнъ съ фонтаномъ. Около него два низкихъ диванчика. Отдѣлка главной комнаты представляла смѣсь европейскаго съ азіятскимъ. Стѣны и потолокъ оклеены дорогими обоями четырехъ цвѣтовъ: малиноваго, голубаго, бѣлаго съ цвѣтами и коричневаго съ золотымъ бордюромъ; полъ устланъ прекраснымъ ковромъ; посрединѣ большой изъ бѣлаго мрамора круглый столъ, покрытый скатертью изъ голубаго атласа, съ вышитыми золотомъ цвѣтами и буквами; на столѣ были ширіны (сласти). Съ одной стороны стола находился небольшой, обитый голубымъ бархатомъ диванъ; кругомъ стола кресла; съ другой же — на бронзовомъ пьедесталѣ прикрѣплено было, величиною въ 1½ аршина, овальное зеркало въ позолоченной рамѣ; позади, въ углу, большой мраморный столъ, загроможденный всевозможныхъ формъ и величинъ лампами и китайскимъ фарфоромъ. На одной изъ стѣнъ висѣлъ портретъ шаха, а на другой — сердара, въ красномъ мундирѣ, на бѣломъ конѣ. Кромѣ того, на стѣнахъ развѣшено было нѣсколько европейскихъ картинъ, преимущественно женскихъ портретовъ. Сердаръ былъ одѣтъ въ короткомъ шалевомъ архалукѣ, обшитомъ золотымъ снуркомъ, съ большими бриліантовыми, съ кистами изъ жемчуга, застежками (подъ этимъ архалукомъ былъ другой, желтый, на мѣху), въ красныхъ, съ золотыми лампасами, шароварахъ и въ лакированныхъ башмакахъ. Золотой поясъ, съ большою пряжкой, осыпанъ былъ крупными бриліантами; на поясѣ сабля, украшенная драгоценными камнями; на шеѣ осыпанный, въ шесть рядовъ, бриліантами, портретъ шаха, съ короною; на груди четыре звѣзды: Станислава 1-й степени, двѣ персидскихъ, турецкая Меджидіе и чрезъ плечо зеленая лента. Послѣ поодравленія съ пріѣздомъ, подполковникъ Салацкій пере-

далъ письмо сердару отъ начальника главнаго штаба кавказской арміи; затѣмъ всѣ мы сѣли, и тотчасъ подали кофе, чай и кальяны. Сердаръ извинился, что, по причинѣ болѣзни, не могъ принять ранѣе, и разсказалъ, что въ эту ночь видѣлъ дурной сонъ, который предвѣщаетъ нехорошее, но что онъ сѣмѣетъ отдѣлаться отъ предстоящаго несчастія. Сердаръ прибавилъ, что это ужъ второй подобный сонъ и что первый онъ видѣлъ въ Тегеранѣ: ему снилось, будто шахъ, прогуливаясь верхомъ, быстро поскакалъ и упалъ вмѣстѣ съ лошадью; утромъ разсказалъ свой сонъ шаху, просилъ его быть осторожнѣе, а чрезъ недѣлю Баби выстрѣлилъ въ шаха. Вообще персіане до чрезвычайности суевѣрны, и между ними есть много астрологовъ и такъ называемыхъ толкователей сновъ. Въ утѣшеніе генералъ Минквицъ сказалъ сердару, что его сонъ предвѣщаетъ не худое, а хорошее, и тутъ же поздравилъ его съ полученнымъ имъ, по ходатайству намѣстника кавказскаго, орденомъ св. Анны 1-й степени, который будетъ высланъ надняхъ. Азисъ-ханъ отвѣчалъ, что онъ очень доволенъ милостивымъ вниманіемъ Государя Императора и намѣстника, но еще не успѣлъ заслужить такой награды. Азисъ-ханъ родомъ курдъ, служилъ майоромъ въ пѣхотномъ полку, бывшемъ подъ командою мирзы-Таги-хана, впоследствии перваго министра. Во время своего величія, Таги-ханъ вызвалъ Азисъ-хана, представилъ его шаху и началъ быстро его возвышать. Азисъ-ханъ сѣмѣлъ понравиться шаху, который и приблизилъ его къ себѣ. Первому министру, человѣку подозрительному, это не понравилось: онъ вскорѣ нашелъ случай лишить всего Азисъ-хана и вынудилъ его бѣжать на родину, гдѣ тотъ сталъ въ главѣ своего племени. Послѣ же паденія перваго министра, шахъ, вспомнивъ объ Азисъ-ханѣ, тотчасъ послалъ за нимъ. Говорятъ, что когда кто-то сказалъ шаху о тяжелой болѣзни Азисъ-хана, шахъ отвѣтилъ: „если это и правда, то я увѣренъ, что, при одномъ извѣстіи о моемъ желаніи его видѣть, онъ встанетъ и явится ко мнѣ“. По прибытіи Азисъ-хана въ Тегеранъ, шахъ осыпалъ его милостями, возвратилъ всѣ почести и вскорѣ назначилъ сердаръ-кулемъ (начальникомъ побѣдоносныхъ войскъ), отправилъ въ Тавризъ и кромѣ Азербейджана подчинилъ ему часть Курджистана; въ довершеніе всего, поручилъ ему высшій надзоръ за воспитаніемъ сына своего. Азисъ-хану 60 лѣтъ; онъ высокаго роста, худощавый, но

стройный, носить небольшую окладистую бороду, которую красить; глаза имѣеть чрезвычайно выразительные; походка тихая; говорить отрывисто; многіе считаютъ его жестокимъ. Когда было возмущеніе въ Ардебилѣ, сердаръ, прибывъ туда съ войскомъ, усмирилъ бунтъ и, схвативъ 17 человекъ изъ главныхъ зачинщиковъ, приказалъ при себѣ зарыть ихъ живыми въ землю и поставить надъ ними каменные столбы, которые и до сихъ поръ цѣлы. Сердаръ очень богатъ: у него большія имѣнія и лучшія лошади во всемъ Азербейджанѣ. За то и расходы его чрезвычайно велики: кромѣ огромнаго гарема, при дворѣ его до 600 человекъ прислуги, которую онъ долженъ кормить (одного хлѣба выходитъ въ день до 50 пудовъ), одѣвать и раза три въ годъ надѣлять значительными подарками. Иногда онъ разсылаетъ служащихъ въ домъ съ разными порученіями, и тогда эта челядь страшно грабитъ народъ, пользуясь именемъ своего господина. Если сердаръ, или какой-либо другой высокій сановникъ, выѣзжаетъ со двора, то впереди его идетъ громадная процессія, состоящая изъ ферашей, солдатъ, лакеевъ, конюховъ и калгонджи; иногда несутъ впереди на рукахъ ученыхъ соколовъ. Всѣ идутъ по два въ рядъ, съ крикомъ разгоняютъ народъ и часто употребляютъ въ дѣло палки, если кто зазѣвается и не успѣетъ посторониться.

Отъ сердара генералъ Минквицъ поѣхалъ отдать визиты Мустафа-Назамъ, Сагаби-диванъ-паша-хану, начальнику артилеріи, и Джанъ-Давудъ-хану. Всѣ они имѣютъ свои дома и живутъ довольно роскошно; у каждаго есть отдѣльная пріемная комната, которая, какъ, напримѣръ, у паша-хана, совершенно похожа на модную лавку: чего только тамъ нѣтъ! картины, рукомытники, лампы, бронза, стаканы, баночки, китайскій фарфоръ, канделябры, ковры, бархатъ, шелкъ, мелкія туалетныя вещи, и все это на виду. Вездѣ намъ подавали кофе и чай съ розовой водой, ширіны и кальяны. Только въ пять часовъ мы воротились домой и обѣдали у консула.

26-го, сердаръ былъ у генерала и просилъ со всей свитой къ себѣ обѣдать. Въ тотъ же день я ходилъ съ фотографами снимать портретъ съ наследника престола. Мы прибыли во дворецъ въ десять часовъ, а въ полдень вышелъ велиагдъ. Портретъ удался превосходно съ перваго пріема, что очень понравилось наследнику, и онъ пожелалъ снять группу: самъ сѣлъ, а позади стали Вагабъ-ханъ, дядька, оберъ-церемоніймейстеръ, главный

камердинеръ и арабъ. Группа также вышла чрезвычайно хорошо. Къ вечеру мы вернулись домой, гдѣ были уже присланы отъ сердара лошади и нѣсколько фонарей; въ половинѣ шестаго мы всѣ поѣхали къ нему въ домъ. Насъ повели прямо въ кіоскъ, который внутри и кругомъ буквально былъ залитъ разноцвѣтными огнями, а весь садъ освѣщенъ плоскими и цвѣтными фонарями. Въ кіоскъ встрѣтилъ генерала сердаръ; тамъ мы уже нашли гг. Зиновьева, Банышикова и Ивановскаго, начальника артилеріи Вагабъ-хана, Сагабъ-дивана, Мустафи-Низамъ, Джанъ-Давудъ-хана и бывшего посланника въ Константинополь хаджи-мирза-Агметъ-хана. Послѣ обычнаго угощенія, пришли доложить, что обѣдъ готовъ. Въ это время въ столовой подняли занавѣсъ надъ передней стѣной дома, выходящей прямо въ садъ. Стѣна эта рѣшетчатая, вся изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ стеколъ; въ ней, до половины, сдѣланы на шарнирахъ рамы, которыя лѣтомъ всегда поднимаются. Комната освѣщалась 130 свѣчами. Переливы и блескъ огней были истинно фантастическіе, особенно издали. Внутренность отдѣлана въ восточномъ вкусѣ: потолокъ и стѣны выкрашены бѣлой глянцевитой краской; кругомъ стѣнъ, въ половину высоты, ниши, въ которыхъ стояли вазы съ цвѣтами, а между ними свѣчи съ цвѣтными стеклянными колпаками; надъ нишами выдающійся кругомъ, на четверть, позолоченный карнизъ, на которомъ также были поставлены вазы съ цвѣтами и, въ промежуткахъ, свѣчи. На потолокъ, посрединѣ, нарисована богатая виньетка тремя цвѣтами: золотымъ, чернымъ и краснымъ; полъ устланъ былъ превосходнымъ керманскимъ ковромъ. Посрединѣ столъ, накрытый на 23 персоны; на столѣ три канделябра изъ краснаго и зеленаго хрустала, съ цвѣтными колпаками; крайніе имѣли по 10 свѣчъ. Въ хрустальныхъ вазахъ разложены были виноградъ, гуляби, яблоки, айва, персики, сладкіе лимоны, дыни, арбузы, сухіе фрукты всѣхъ сортовъ и варенье. Обѣдъ состоялъ изъ десяти блюдъ, въ томъ числѣ и неизбѣжный пилавъ въ трехъ видахъ: чистый рисъ, сладкій и съ зеленью. Вина были бѣлое и красное, тавризское, бордо и шампанское, кромѣ того эль. Въ серединѣ обѣда принесли кальяны. Когда подали шампанское, сердаръ, вставъ, предложилъ тостъ за здоровье нашего Государя, а генералъ Минквицъ отвѣтилъ тостомъ за здоровье шаха; затѣмъ сердаръ предложилъ тостъ за здоровье намѣстника кавказскаго, а генералъ за

наслѣдника престола персидскаго. Пили еще за здоровье генерала, сердара и всѣхъ персидскихъ сановниковъ. По обѣ стороны бассейна были поставлены два хора музыкантовъ, одни въ красныхъ, другіе въ желтыхъ мундирахъ. Тамбуръ-мажоръ, помѣщавшійся среди ихъ, наблюдалъ очередь игры между обоими хорами, описывая, повременамъ, въ воздухѣ круги булавою. Хоры были составлены изъ трубъ, флейтъ, барабановъ, тарелокъ, колокольчиковъ и двухъ турецкихъ барабановъ. Въ продолженіе обѣда они попеременно играли разныя персидскія пѣсни, а во время тостовъ всѣ вмѣстѣ тушъ. По окончаніи обѣда подняли рамы и всѣ подошли смотрѣть фейерверкъ. По сигналу трубача тотчасъ же показались четыре красныхъ воздушныхъ шара; затѣмъ взвилась ракета, предвѣстница начала фейерверка. По обѣ стороны бассейна горѣли большія римскія свѣчи, а посрединѣ изъ бриліантоваго огня звѣзды; бураки были съ цвѣтными звѣздами; по дорожкамъ, до самаго кіоска, возвышались колеса и пирамиды, которыя зажигались постепенно. Надъ бассейномъ образовался огненный дождикъ, а впереди великолѣпный фонтанъ изъ цвѣтнаго огня. Фейерверкъ вообще былъ богатъ и разнообразенъ. Въ продолженіе почти полчаса, перекрестный цвѣтной огонь освѣщалъ весь садъ; ракеты съ падающими звѣздочками ежеминутно одна за другой взвивались все выше и выше; весь садъ, со своими чинарами и тополями, при тихой и звѣздной ночи, озаряемый безпрестанно разноцвѣтными огнями, представлялъ фантастическую картину.

Послѣ фейерверка, всѣ мы перешли въ смежную комнату, устланную дорогимъ ковромъ. Столъ посрединѣ былъ уставленъ сухими фруктами; карнизъ, кругомъ стѣнъ, украшался цвѣтами, между которыми разставлены были свѣчи; потолокъ и стѣны блестѣли позолотой и яркими цвѣтами. Художникъ, трудившійся надъ украшеніемъ этой комнаты, обладалъ пылкимъ воображеніемъ и не жалѣлъ ни красокъ, ни труда. Курильницы по угламъ распространяли благоуханіе. Послѣ кальяновъ и чая, подааннаго въ дорогихъ китайскихъ чашечкахъ, разговоръ на минуту прекратился, и каждый предался восточному кейфу. Подавали еще кофе и варенья. Сердаръ сказалъ намъ, что онъ получилъ по телеграфу разрѣшеніе шаха на свою просьбу отлучиться на нѣсколько дней въ Марагу и Урмію, для поправленія здоровья, и дня черезъ два выѣзжаетъ.

Мы вернулись домой около полуночи.

29-го октября назначенъ былъ прощальный пріемъ у наследника престола. При этомъ случаѣ генераль Минквицъ поднесъ велиагду два фотографическіе портрета принца, раскрашенные красками, и группу мисіи, которыми наследникъ остался чрезвычайно доволенъ и приказалъ выдать фотографамъ въ награду двѣ шаля. Въ этотъ же день генераль разослалъ подарки, назначенные Его Высочествомъ намѣстникомъ кавказскимъ нѣкоторымъ персидскимъ сановникамъ.

31-го назначено было выступить. Мы и безъ того пробыли въ Тавриздѣ лишніе три дня, потому что мегмандары не позаботились приготовить все нужное для дороги; но прежде чѣмъ оставимъ Тавриздѣ, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ азербейджанской провинціи и о самомъ главномъ городѣ ея.

Азербейджанъ раздѣляется на 17 округовъ; каждый округъ управляется ханомъ. По словамъ лицъ, стоящихъ во главѣ управления, эта область приноситъ годоваго дохода до 1,250,000 тумановъ (туманъ = 3 руб.), кромѣ хлѣбной подати, цифра которой неизвѣстна. Въ Азербейджанѣ считается 25 полковъ (фоуджъ) пѣхоты, числительностію отъ 700 до 800 человекъ въ каждомъ, 7 полковъ артилеріи, по 500 человекъ, и 5,000 регулярной кавалеріи, изъ мешкинцевъ и карадахцевъ. Регулярная армія, въ которую входятъ названныя части, постоянно на службѣ. Есть еще ирегулярная кавалерія, число которой не имѣетъ опредѣленной цифры; ее собираютъ, въ случаѣ необходимости, столько, сколько нужно.

Городъ Тавриздѣ раздѣляется на 11 могоалле (кварталовъ). По показанію полицеймейстера, здѣсь до 250,000 населенія и до 40,000 домовъ, изъ которыхъ четыреста принадлежатъ христіанамъ, въ числѣ до 2,500 душъ. Тавриздскіе христіане большею частію армяне, живущіе въ особомъ кварталѣ, въ которомъ двѣ церкви; кромѣ того, въ городѣ есть небольшая греческая часовня. Жители, за исключеніемъ торговцевъ, хозяевъ караванъ-сараявъ и базаровъ, обложенныхъ особою податью, приносящею казнѣ ежегоднаго дохода 21,000 тумановъ, освобождены отъ всякихъ податей и постоя. Таможенный доходъ увеличился противъ прежняго времени почти вдвое. Изъ зданій замѣчательны: мечеть Сеидъ-Гамза, караванъ-сарай Амиръ-Садкуль-Мулька и Дудеръ, домъ начальника артилеріи, и гуръхане или арсеналь. Последнее зданіе обнесено кругомъ стѣной

съ зубцами и башнями; внутри его, на площади, большая четырехугольная башня, Арькъ, до 20 сажень вышины, бывшая когда-то мечетью. На верхъ башни ведетъ полуразрушенная лѣстница, откуда великолѣпный видъ на весь городъ, окруженный садами и раскинутый почти на 30 верстъ въ окружности. Отсюда наши фотографы сняли видъ Тавриза. Съ этой же башни, по рассказамъ старожиловъ, бросали при Аббасъ-мирзѣ преступныхъ женщинъ, которыхъ приводили сначала въ судъ духовныхъ, куда долженъ былъ явиться обвинитель и доказать виновность подсудимой. Казнь совершалась только тогда, когда женщина на коранѣ троекратно сознавалась въ своемъ преступленіи. Стоявшій внизу народъ кидаль на сбрасываемыхъ женщинъ камни, отъ чего и самое мѣсто внизу получило названіе „Сенги-Саръ“ (бросающій камни). Послѣдній примѣръ казни былъ незадолго до смерти Аббаса-мирзы. Сброшенная жертва еще долго жила и вынесла страшныя мученія. Говорятъ, что этотъ случай и былъ причиною уничтоженія варварскаго обычая. Внизу башни, въ подвалѣ, двѣ печи, изъ которыхъ въ одной отливаютъ пушки, а въ другой ядра и картечь; рядомъ съ ними сарай, гдѣ колесо со стержнемъ, приводимое въ движеніе четырьмя буйволами, служитъ для сверленія орудія; для обтачиванія же орудія употребляется другой станокъ, такого же незатѣйливаго вида. По словамъ начальника арсенала, въ недѣлю готовится одно орудіе. На другомъ дворѣ небольшое квадратное зданіе, внутри котораго садикъ и бассейнъ. Зданіе это служитъ мѣстомъ склада разнаго военнаго имущества. Такъ въ первой комнатѣ развѣшена упряжная артиллерійская принадлежность изъ желтаго ремня; во второй, на полкахъ и въ ящикахъ, лежатъ готовые гранаты, трубки, холстъ, ружейные кремни, солдатскіе мундиры, банники, картечь и ящики съ патронами, а наверху на нарахъ старыя палатки; въ третьей готовятъ ружейные патроны. Пули ружейныя круглыя, вѣсомъ $7\frac{1}{2}$ золотниковъ. При насъ работали всего 12 человекъ, но всѣхъ рабочихъ въ арсеналѣ до 300. Лучшие мастера получаютъ по 12 червонцевъ въ мѣсяцъ, а прочіе по 8, 4 и по 2 червонца; кромѣ того, хлѣбную дачу. За вѣрность этихъ свѣдѣній трудно ручаться. Въ четвертой, небольшой комнатѣ лежитъ въ нишахъ готовая картечь; наверху, на стѣнѣ, нарисована большая картина, представляющая

сидящаго на тронѣ малолѣтнаго Магометъ-шаха, окруженнаго придворными.

Зданіе, о которомъ идетъ рѣчь, было прежде дворцомъ, и въ этой самой комнатѣ родился покойный Магометъ-шахъ. Позади названныхъ комнатъ, идетъ широкій коридоръ со сводами, въ которомъ хранится порохъ въ кувшинахъ и просто въ мѣшкахъ, привезенный незадолго передъ нами съ завода, для дѣланія патроновъ; далѣе двѣ комнаты завалены до половины деревянными сундуками, обитыми мушамбой и облитыми смолой: въ нихъ хранятся готовые снаряды, пушечныхъ по 8, а ружейныхъ по 1,100 патроновъ въ сундукѣ. Сундуки эти возятся на вьюкахъ; каждый вьюкъ вѣситъ 40 батмановъ (батманъ = 7 фунтамъ). Всѣхъ готовыхъ патроновъ можно считать полтора милліона. Въ амбарѣ позади этихъ двухъ комнатъ хранятся коляска наслѣдника, 6 единороговъ (въ родѣ нашихъ $\frac{1}{4}$ -пудовыхъ горныхъ), отлитыхъ въ самомъ арсеналѣ. Тутъ же три осадныхъ пушки, испорченныхъ внутри, для перевозки которыхъ необходимо имѣть по 12 лошадей подъ каждую, да трое дрогъ, на четырехъ колесахъ, для возки зарядовъ. На каждыхъ дрогахъ помѣщается три ящика, одинъ на задкѣ, два на передкѣ: на нихъ садится прислуга, по три человекъ на ящикъ. Въ особомъ сараѣ, насупротивъ описываемаго зданія, складъ чинаровыхъ бревенъ, до 50, для лафетовъ и ящиковъ, а въ другомъ сараѣ, рядомъ, хранятся ружья, большею частію старья, до 3,000 штукъ. Небольшой складъ оружія помѣщается еще во дворцѣ. Ящики и лафеты изготовляются въ отдѣльной столярной; но при нашемъ осмотрѣ здѣсь работали карету начальнику артилеріи. Всѣ эти мастерскія и кладовыя предполагалось перенести на будущій годъ въ одно зданіе рядомъ, которое вчера уже было готово и имѣло до 40 комнатъ.

У всѣхъ воротъ и дверей стояли часовые, которые, впрочемъ, мало заботились о томъ, чтобы посѣтители были осторожны при порохѣ. Главный пороховой погребъ за городомъ, на восточной его сторонѣ, въ пяти верстахъ. Въ Персіи всякій имѣетъ право дѣлать порохъ.

Тавризь есть складочное мѣсто торговли. Изъ привозныхъ товаровъ первое мѣсто занимаютъ англійскія бумажныя издѣлія; отсюда же вывозятъ ковры, шелкъ, табакъ, краску, рись и хлопчатую бумагу. По словамъ старшины нашихъ купцовъ, оборотъ капиталовъ достигаетъ въ годъ до 15,000,000 тумановъ; изъ этой

суммы, почти половина приходится на Петра П. Ралли, который ведетъ всю торговлю, по большей части, на чистыя деньги. Фирма эта перешла недавно подъ покровительство англійскаго консульства. Повѣренныя его, гг. Михо-оглы и Ризо, отправляютъ часто караваны съ сотнями тысячъ рублей золотомъ и серебромъ въ Рештъ, въ Тегеранъ и въ Требизондъ, скрывая деньги во вьюкахъ съ товарами, безъ всякой гарантіи со стороны черводаровъ. До сихъ поръ не было ни одного случая, въ продолженіе слишкомъ 30 лѣтъ, чтобы когда-либо пропали деньги. Кромѣ дома Ралли, есть нѣсколько малыхъ торговыхъ домовъ, но нѣтъ ни одного банкирскаго. Есть много мѣняль на всѣхъ базарахъ и въ каранъ-сараяхъ, у которыхъ много нашихъ полумперіаловъ, червонцевъ, англійскаго и персидскаго золота, серебро же преимущественно русское новаго чекана (двугривенныя и пятиалтынные). Курсъ мѣняется, но не часто; золото немного выше поминальной цѣны, но за то нашъ двугривенный двумя копѣйками ниже, а пятиалтынный идетъ наравнѣ съ персидскимъ поняботомъ. Ходятъ и мѣдныя деньги „карапулъ“; бумажекъ же нѣтъ. Всѣ шелковыя и шерстяныя ткани, холсты, ковры и бумажныя издѣлія продаются на аршинъ; бакалейныя же товары, соль, уголь, фрукты свѣжіе и сухіе, молоко, масло, сыръ, хлѣбъ, зелень, мука, крупа, овощи огородныя и дрова на вѣсь. Дрова привозятъ изъ садовъ, персиковыя и виноградныя; другихъ въ продажѣ нѣтъ. Во всѣхъ же столярныхъ мастерскихъ употребляется только тополевое и чинаровое дерево, которое идетъ на мебель и на постройку домовъ. Воды въ городѣ не совсѣмъ достаточно, хотя въ каждомъ дворѣ есть бассейны, соединенныя между собой подземными трубами. Свойство воды известковое. Изъ бассейновъ воду отводятъ для поливки садовъ. Фрукты въ большомъ изобиліи; особенно замѣчательны гранаты по своей величинѣ и сочности; виноградъ снимается чрезвычайно поздно, такъ что въ нѣкоторыхъ садахъ онъ не былъ снятъ еще при насъ. Изъ здѣшняго винограда армяне выдѣлываютъ бѣлое и красное вино хорошаго качества, но очень крѣпкое.

Базары большіе, лавки открытыя, и весь товаръ налицо. Шапочныя, башмачныя, мѣдныя и серебряныя ряды помѣщаются отдѣльно; потомъ идутъ лавки съ шелковымъ и бумажнымъ товаромъ, въ перемежку съ хрустальными, фруктовыми и мѣняльными; во многихъ мѣстахъ устроены пекарни и кухни, гдѣ

приготавливаются завтраки и обѣды. Воду носятъ въ кувшинахъ и въ кожаныхъ мѣшкахъ. Позади лавокъ устроены караванъ-сарай, съ просторными дворами и бассейнами, которые обсаживаются деревьями и даже цвѣтами. Тутъ ведется оптовая торговля на значительныя суммы. Купцы-хозяева сидятъ чинно, покуривая кальянъ, не зазывая покупателя и не напрашиваясь со своимъ товаромъ; если же вы подошли, то товаръ показывается спокойно, не торопясь, но за то съ васъ, какъ съ европейца, запрашивается вдвое, а иногда и болѣе противъ стоимости товара. Базары—совершенный толкучій рынокъ: съ утра до вечера здѣсь снуютъ массы народа, попадаютъ водоносы и кальянджи, предлагающіе свой товаръ. Ходячіе продавцы-комисіонеры то и дѣло носятъ разный товаръ и, поднося его въ рукахъ, выкрикиваютъ его стоимость. Мужчины одѣты въ архаукахъ; на нѣкоторыхъ джуббе и аба, шапки суконныя изъ валеной шерсти. Женщины въ синихъ чадрахъ; на головѣ бѣлое спущенное полотенце, съ мелкой сѣточкой надъ глазами. Армянки носятъ бѣлыя чадры. Нищихъ замѣчательно мало; но за то эта горсть до высшей степени нахальна и неотвязчива.

Во дворцѣ, на одномъ изъ дворовъ, въ двухъ комнатахъ устроена телеграфическая станція: въ первой, въ углу, на простомъ столѣ, помѣщается аппаратъ, старинной системы, съ циферблатомъ, на которомъ три круга: на первомъ римскія буквы, надъ ними на второмъ персидскія, соответствующія имъ, а на третьемъ цифры; посрединѣ мѣдная ручка со штифтикомъ. Отсюда проведены проволоки въ другую комнату, гдѣ на столѣ 35 галваническихъ паръ Даніэля. Галваническая батарея чрезъ каждые два мѣсяца моется и наливается свѣжими растворами. Проволоки выведены въ окно; чрезъ весь городъ столбы, установленные на крышахъ домовъ. При телеграфѣ четыре телеграфиста-чиновника, которые, въ продолженіе дня, съ восхода до заката солнца, занимаются поочередно передачею депешъ. Ночью телеграфъ не дѣйствуетъ. На станціи двѣ большихъ книги: въ одну изъ нихъ записываются тутъ же сидящимъ мирзой исходящія депеши, а въ другую — входящія. Съ буквы положена плата одинъ шагъ, почти 1½ коп., такъ что за 20 буквъ берутъ 20 шаговъ, т. е. 30 к. сер.—плата, какъ видно, дороже всѣхъ существующихъ цѣнъ по передачѣ депешъ. Плата взимается со всѣхъ безъ различія депешъ, казенныхъ и даже самого шаха. Ему, по окончаніи года, подають общій счетъ, по которо-

му и выплачиваются деньги. Доходъ постоянно увеличивается. Постройка телеграфа отъ Тегерана до Тавриза, на протяженіи 500 верстъ съ двумя промежуточными станціями, въ Козвинѣ и въ Зенганѣ, стоила 12,000 тумановъ или 36,000 р. с., слѣдовательно верста обходилась около 72 р. Свѣдѣніе это сообщено мнѣ начальникомъ телеграфовъ. Въ комнату и къ столику допускаются всѣ безпрепятственно. Тутъ же курятъ кальянъ, пьютъ кофе и нерѣдко бесѣдуютъ со служащими. При насъ много было купцовъ и другихъ лицъ; всѣ они приносили свои депеши на лоскуткахъ бумаги. Отвѣты высшимъ сановникамъ посылаются съ сарбазами, а другія лица должны приходить сами. При станціи двадцать сарбазовъ, которые содержать караулъ; они же и разсылные. Въ передачѣ депешъ не всегда соблюдается порядокъ: кто позначительнѣе, тотъ и имѣетъ преимущество. По всей линіи телеграфа содержатся сторожа, на каждый фарсахъ по два всадника, которые обязаны ежедневно по нѣскольку разъ осматривать свою дистанцію. Въ Тавризѣ и Тегеранѣ принимаются депеши на французскомъ языкѣ. Проволока и аппараты выписаны изъ Парижа. Теперь готовъ телеграфъ отъ Козвина въ Рештъ, а къ 1-му декабря предполагалось провести проволоку до Вендербъ-Бушира и Испагана. Чиновники-телеграфисты передаютъ депеши очень быстро, но обращаются съ аппаратомъ небрежно. Служащіе при телеграфѣ, переговариваясь между собою, ничего не платятъ. Въ депешахъ не допускаются восточные комплименты и титулы.

II.

замѣтки на пути въ тегеранъ.

До Тегерана считаютъ 96 фарсаховъ. По маршруту, мы должны были прибыть сюда на 23-й день пути.

31-го октября, съ утра, начались сборы, какъ и всегда, медленные, но теперь въ особенности, потому что оказался недостатокъ въ лошадяхъ. Къ намъ назначили двухъ мегмандаровъ, изъ которыхъ одинъ прибылъ изъ Тегерана, а другой изъ Тавриза, для сопровожденія насъ до границы Азербейджана. Они обязаны были заготовлять намъ ночлеги, провизію и вино; вьючныя лошади наняты были у частныхъ людей по 25 кранъ за лошадь, т. е. 7 р. 50 к. за каждую; верховыхъ для генерала и свиты привели отъ велиагда и сердара, а казакамъ и прислугѣ дали артилерійскихъ.

Въ три часа пополудни мы отправились въ путь. По выѣздѣ изъ города, у мечети Гекъ генералъ Минквицъ остановился и, отблагодаривъ за вниманіе, отпустилъ всѣхъ сопровождавшихъ. Развалины этой мечети чрезвычайно интересны. Персіане говорятъ, что она была построена при первомъ заселеніи Тавриза, около тысячи лѣтъ тому назадъ, въ громаднѣхъ размѣрахъ; теперь уцѣлѣли лишь главныя двери и часть стѣнъ изъ синяго камня, съ надписями сверху донизу. Видны еще остатки минаретовъ; внутренность же представляетъ груду развалинъ. По выѣздѣ изъ городскихъ воротъ, въ предмѣстьѣ, посреди котораго тянется на полторы версты широкая аллея, обсаженная по обѣ стороны тополями, ожидалъ насъ старшина купцовъ Унаповъ, съ нѣсколькими лицами: онъ просилъ генерала Минквица выпить бокалъ шампанскаго и пожелалъ намъ благополучнаго пути. Здѣсь же мы простились съ г. Зиновьевымъ и съ г. Ивановскимъ.

Чтобы не утомлять читателя описаніемъ всѣхъ сдѣланныхъ нами до Тегерана переходовъ, ограничусь замѣтками о такихъ предметахъ, которые, по моему мнѣнію, могутъ имѣть большій или меньшій интересъ для желающихъ ознакомиться съ востокомъ. И прежде всего скажу о персидской почтовой гоньбѣ.

Чапаръ-Хане (почтовая станція) — небольшое квадратное зданіе. Съ фронта у воротъ двѣ комнаты, внизу и вверху, для проѣзжающихъ; внутри двора конюшня, въ которой всегда 12 лошадей верховыхъ и три конюха (чапаръ-шагирдъ). За каждый фарсахъ платится 24 шаги или $35\frac{1}{4}$ коп. на лошадь, при чемъ необходимо брать „чапаръ-шагирда“, за лошадь котораго также платится, да кромѣ того надо давать *бахчишъ*, покрайней мѣрѣ саобъ-куронъ (30 коп.). Такимъ образомъ почтовая ѣзда въ Персіи стоитъ, сравнительно съ нашей, почти втрое дороже. На каждой станціи можно найти самоваръ, пашлыкъ, яйца, сыръ и масло; но не вездѣ есть сахаръ и чай. Лошади, большею частію, разбитыя и не выдерживаютъ ѣзды болѣе трехъ лѣтъ, потому что на чапарскихъ ѣздятъ всегда галопомъ, изрѣдка шагомъ. Гулямы и вообще чапары ѣздятъ изъ Тавриза въ Тегеранъ (96 фарсаховъ) на третій день: считая фарсахъ въ семь верстъ, будетъ 672 версты, слѣдовательно чапаръ или гулямы въ сутки дѣлаютъ 243 версты верхомъ, безъ отдыха.

Путь затрудняется иногда ущельями. Такъ на пространствахъ

14 верстѣ мы встрѣтили три крутыхъ и глубокихъ ущелья, которыя зимою заносятся снѣгомъ и поѣтому очень опасны для прохода каравановъ, особенно когда бываетъ мѣтель. У черводаровъ и у окрестныхъ жителей есть поговорка, что если прошелъ благополучно три ущелья, то можно считать себя дома. Иногда сообщеніе совсѣмъ прекращается на недѣлю и на двѣ, и путешественники ждутъ до тѣхъ поръ, пока не проложатъ дороги. Весною же и осенью въ ущельяхъ непроходимая грязь. Рассказываютъ, что когда нынѣшній шахъ ѣхалъ въ Тавризъ, то многіе его экипажи завязли въ ущельяхъ и простояли два дня, пока согнали жителей съ окрестныхъ деревень и вытащили ихъ.

Сельское населеніе, нами видѣнное, чрезвычайно бѣдно. Почти всѣ крестьяне ходятъ полунагіе, особенно дѣти; подати неимоვნно велики, да кромѣ того частые косвенные поборы въ-конецъ разорили жителей. Деревни, расположенныя близъ дороги, страдаютъ отъ прохода войска и разной прислуги должностныхъ лицъ, которые все требуютъ и ни за что не платятъ.

Одинъ изъ ночлеговъ мы имѣли въ исторической деревнѣ Турменчай. Эта деревня имѣетъ до 150 домовъ и шесть мельницъ; много здѣсь тополей, но мало садовъ. Для генерала Минквица отведенъ былъ тотъ самый домъ, гдѣ подписанъ былъ турменчайскій миръ въ 1828 году. Домъ обнесенъ стѣной, но въ немъ никто не живетъ; его только поддерживаютъ и отводятъ ночлегъ для высокихъ гостей. Доходы съ деревни отданы вмѣсто жалованья Садыкуль-Мульку, начальнику азербейджанской артилеріи. Къ намъ подошелъ почтенный старикъ и заговорилъ по-русски. Онъ разсказалъ, что родился въ Воронежской губерніи, въ духовномъ званіи, лѣтъ тридцать тому назадъ бѣжалъ сперва въ Турцію, а потомъ перебрался въ Персію, служилъ въ гвардіи Фетъ-Али-шаха, принялъ мусульманство, женился, имѣетъ сына, но обѣднѣлъ такъ, что питается милостынею. Старикъ желалъ бы вернуться на родину, да боится наказанія; причину же побѣга онъ объяснилъ тѣмъ, что началъ пьянствовать и что два его товарища уговорили бѣжать, увѣряя, что въ Турціи гораздо лучше, въ Персіи же просто рай, а не жизнь. Когда казаки запѣли пѣсни, старикъ прослезился. Въ его угрюмыхъ чертахъ лица отражались и чистосердечное раскаяніе, и воспоминаніе о родинѣ, и горечь настоящаго положенія.

У рѣчки Міане-чай генералъ нашъ встрѣченъ былъ наибомъ Везирь-мирза-Кельбъ-Али-ханомъ съ пятьюдесятью всадниками, который поздравилъ, отъ имени правителя Шахъ-Заде-Абуль-Магометъ-мирзы (жившаго ниже Міане, въ мѣстечкѣ Серъ-Абъ, своей лѣтней резиденціи) съ благополучнымъ пріѣздомъ. Мы остановились однако не въ самомъ городѣ Міане, а расположились за чертою его лагеремъ, такъ какъ въ домахъ намъ боялись отвести квартиры, изъ опасенія ядовитыхъ міанскихъ клоповъ. Городъ Міане имѣетъ до 1,500 домовъ и славится именно своими ядовитыми клопами, которые водятся преимущественно въ старыхъ домахъ и тамъ, гдѣ много куръ, укрываясь на потолокъ и въ верхнихъ частяхъ стѣнъ. Міанскихъ клоповъ два рода: „кене“ и „меле“; оба похожи на клещей и такой же величины, имѣютъ до двадцати ножекъ; верхняя кожа пепельнаго цвѣта. Укушеніе первыхъ, полныхъ и жирныхъ, не вредно; но если укусятъ „меле“, т. е. тощія и сухіе, то на другой день человѣкъ чувствуетъ головокруженіе, страдаетъ сильною рвотою, болью въ глазахъ и ногахъ; на третій день, на мѣстѣ укушенія, показывается едва замѣтное черное пятнышко, которое быстро увеличивается и образуетъ нарывъ. Лѣтомъ болѣзнь продолжается до трехъ мѣсяцевъ, зимой не болѣе одного. Днемъ клопы прячутся и не опасны, но ночью необходимо зажигать какъ можно больше огня, такъ какъ они боятся свѣта. Осѣдлыхъ жителей клопы рѣдко кусаютъ; на проѣзжающихъ и на вновь пріѣзжихъ нападаютъ съ ожесточеніемъ. Жители употребляютъ отъ укушенія слѣдующее средство: пьютъ бѣлый чистый медъ, буйволовое молоко, виноградную воду, смѣшанную съ особаго рода бѣлой глиной, которую достаютъ съ ближайшей горы, варятъ потомъ ее и даютъ въ видѣ шариковъ глотать больному. Снимаютъ также кожу съ коровы или быка и, обернувъ ею больнаго, кладутъ его на нѣсколько часовъ въ горячую баню, повторяя это до трехъ разъ, послѣ чего больной выздоравливаетъ. Больному вредно употреблять въ пищу масло, сыръ, яйца, кислое и соленое. Примѣры смертныхъ случаевъ очень рѣдки, развѣ уже при совершенномъ небреженіи къ болѣзни. Клопы водятся на четырехъ фарсахъ, въ окружности Міане, по всѣмъ деревнямъ. Мальчишки принесли намъ въ рукахъ нѣсколько десятковъ этихъ насѣкомыхъ.

Генералъ отправилъ меня впередъ, на чапарскихъ лошадяхъ, въ г. Зенджанъ, чтобы приготовить тамъ помѣщеніе и

кое-что ко дню тезоименитства Великаго Князя-намѣстника. Путь мой лежалъ, между прочимъ, черезъ ущелье, по которому надо круто подыматься, на протяженіи почти восьми верствъ, на перевалъ Каолянъ-Ку. У восточной подошвы этой цѣпи горъ течеть рѣка Кызыль-Узенъ, сливающаяся съ рѣкой Гилянъ, впадающей въ Каспійское море; при спускѣ построены прочный и красивый каменный мостъ „Пули-Духтеръ“ (мостъ дѣвицы), на трехъ аркахъ; слѣва же при спускѣ, на отрогѣ хребта, видны развалины большой стѣны и нѣсколькихъ строений наподобіе крѣпостцы, называемыя „Кизляръ-Калясы“ (дѣвичья крѣпость). Преданіе гласитъ, что крѣпостцу эту, во времена гебровъ, построила одна царская дочь, извѣстная красавица, и поселилась въ ней; за рѣкой же жилъ молодой красивый „чубанъ“ (пастухъ), который пригонялъ всегда въ полдень стадо на водопой къ тому мѣсту, гдѣ теперь мостъ. Царевна, видѣвшая пастуха каждый день, влюбилась въ него. Однажды, передъ полуднемъ, царевна спустилась къ рѣчкѣ и у того мѣста, куда приходилъ пастухъ, начала свое омовеніе. Пастухъ въ обычный часъ пригналъ стадо и, при видѣ омывающейся царевны, остолбенѣлъ. Передъ нимъ сидѣла съ открытымъ лицомъ женщина дивной красоты. Царевна, поднявъ свои длинныя черныя рѣсницы, не смутилась: нѣжнымъ взглядомъ она подозвала къ себѣ изумленнаго пастуха и вмѣстѣ съ нимъ отправилась въ свою крѣпостцу. Что было тамъ — неизвѣстно, только пастухъ сталъ ежедневно посѣщать крѣпость и всегда легко, какъ лань, перепрыгивалъ рѣку. Черезъ годъ, счастливый пастухъ сталъ являться позже назначеннаго времени, что заставляло сердиться царевну. На вопросъ, почему онъ опаздываетъ, пастухъ отвѣчалъ, что вода въ рѣчкѣ прибавилась, и что онъ, перепрыгивая, попадаетъ въ воду и не мало тратитъ времени на то, чтобы обсушиться. Тогда царевна построила мостъ; но лишь только мостъ былъ готовъ, пастухъ исчезъ; царевна же съ горя разрушила крѣпость и сама пошла отыскивать пастуха. Преданіе не поясняетъ, отыскала ли она своего возлюбленнаго.

Когда я подѣхалъ къ воротамъ города Зенджана, меня проводили отсюда прямо въ домъ губернатора Алху-Давле-Магомедъ-Рагимъ-хана. Я засталъ его окруженнаго мирзами, съ которыми онъ занимался дѣлами по управленію. Рагимъ-ханъ принялъ меня очень привѣтливо и объявилъ, что чрезъ

вычайно радъ прїѣзду генерала, для котораго приказалъ тотчасъ приготовить весь свой домъ.

Городъ Зенджанъ или Зенганъ расположенъ на равнинѣ, при рѣчкѣ того же названія, и окруженъ полуразвалившимися стѣнами съ башнями; домовъ въ немъ считается до 2,000; есть двѣ площади, много крытыхъ базаровъ съ караванъ-сараями, двѣ большихъ мечети. Зенджанъ главный городъ провинціи Хамсе, которая граничитъ къ востоку Казвинской провинціей, къ западу хребтомъ Кафлянъ-ку, гдѣ оканчивается Адербейджанъ, къ сѣверу Гилянской и къ югу Кериманшахской области. Въ Хамсе считается 850 деревень. Въ провинціи этой расположены два полка пѣхоты, 400 артиллеристовъ и 600 кавалеристовъ. Она раздѣляется на пять уѣздовъ, почему и называется „Хамсе“, что по-арабски значитъ *пять*. Въ девяти фарсахъ отъ города, близъ деревни Дузь-Кентъ, соляныя копи, а въ Ангуранскомъ уѣздѣ открыта въ изобиліи мѣдная руда; кромѣ того, во многихъ мѣстахъ найденъ каменный уголь, который привозятъ въ городъ, гдѣ онъ раскупается кузнецами и мѣдниками. Зенджанскія гранаты славятся своею необыкновенною величиною и сочностью. Много также винограду, айвы, яблоковъ и померанцевъ. На восточной сторонѣ города и до сихъ поръ видны слѣды рововъ и небольшихъ укрѣпленій, построенныхъ бабинцами или бабидами во время бунта. Бабинцы занимали сѣверо-восточную часть города и, ведя борьбу съ жителями, были кромѣ того осаждены снаружи шахскими войсками. Ихъ было слишкомъ 4,000; всѣ они появились умереть, но не сдаваться. По рассказамъ, всѣ были совершенно нагіе, сами дѣлали пушки, навертывая на деревянный болванъ пласты желѣза, которое спаивали, и потомъ изъ нихъ стрѣляли. Пороху было у нихъ въ изобиліи, ядра же они подбирали тѣ, которыми шахскія войска стрѣляли въ городъ. Кромѣ того, бабиды сами выдѣлывали ядра изъ глины, вареной въ маслѣ и смѣшанной съ рубленнымъ волосомъ или шерстью, которыя, высыхая, принимали твердость камня. Каждый мятежникъ имѣлъ саблю, ружье, пистолеты и кинжалъ. Осада продолжалась до сорока дней. Очевидцы мнѣ рассказывали, что бабинцы дрались какъ львы и умирали съ дѣніемъ молитвъ. Лишь только кто изъ нихъ падалъ, другой тотчасъ заступалъ его мѣсто и яростно бросался впередъ. Женщины и дѣти не уступали въ храбрости мужчинамъ, и только самую

незначительную часть изъ нихъ взяли живыми и привели въ Тегеранъ для казни.

Съ переваломъ чрезъ Кафланъ-Ку не видно прокаженныхъ, которыхъ отъ Тавриза до Міане встрѣчается очень много; въ провинціи же Хамсе они всё собраны въ одинъ домъ близъ деревни, на рѣкѣ Кызыль-Узенъ. Отсюда ихъ никуда не пускаютъ и продовольствуютъ отъ деревни. Послѣдовало однако приказаніе собрать всѣхъ прокаженныхъ съ женами и дѣтьми и отправиться на островъ на Урумійскомъ озерѣ, для того, чтобы они не могли перейти на материкъ. Такимъ образомъ надѣются прекратить дальнѣйшее развитіе ужаснаго недуга.

8-го ноября, губернаторъ выслалъ, за семь верстъ отъ города, на встрѣчу генералу сына своего Мемедъ-Гасанъ-хана, полицеймейстера города, со всѣмъ штатомъ полиціи, начальника артилеріи и начальника кавалеріи, почетныхъ жителей и до 300 всадниковъ. У городскихъ воротъ стояли пѣшіе ферраши и сарбазы, которые шли попарно впередъ до самаго дома. Этотъ домъ одно изъ лучшихъ зданій въ городѣ какъ по своей отдѣлкѣ, такъ и по величинѣ.

Губернаторъ встрѣтилъ генерала Миньвица въ пріемной комнатѣ, поздравилъ его съ пріѣздомъ и съ торжественнымъ праздникомъ и присовокупилъ, что считаетъ себя счастливымъ, что день именинъ Великаго Князя-наи́мѣстника генералъ отпразднуетъ въ городѣ, ввѣренномъ его управленію. Генералъ пригласилъ губернатора съ сыномъ къ обѣду. Въ шесть часовъ былъ накрытъ превосходно сервированный столъ на 21 человекъ; въ нишѣ, надъ каминомъ, былъ вензель изъ цвѣтовъ, буква М съ короной наверху, вверху годъ; по сторонамъ — на одной 13-го октября, на другой 8-го ноября. Въ двухъ комнатахъ горѣли тридцать свѣчъ въ бронзовыхъ и хрустальныхъ подсвѣчникахъ, съ цвѣтными колпаками; дворъ и басейнъ были освѣщены площадками и разноцвѣтными фонарями; кругомъ бассейна помѣщался хоръ военной музыки изъ 50 человекъ. Музыка начала играть, когда мы сѣли за столъ, а въ антрактахъ, въ боковой комнатѣ, наши казаки пѣли свои родныя пѣсни. Во время обѣда были предложены тосты за здоровье Государя Императора, шаха, Наслѣдника російскаго престола, велиагда, Великаго Князя Михаила Николаевича, Великой Княгини Ольги Феодоровны и всего семейства Ихъ Высочествъ. За каждымъ тостомъ раздавалось троекратное „ура“, музыканты играли тушь,

казаки пѣли многія лѣта. Послѣ обѣда всѣ вышли на терасу; въ саду былъ приготовленъ фейерверкъ, хотя и не очень большой, но весьма разнообразный.

На другой день, утромъ, генералъ былъ у губернатора и черезъ меня передалъ подарокъ его сыну—золотые часы—отъ имени Великаго Князя-намѣстника.

10-го ноября, рано утромъ, мы выступили въ дальнѣйшій путь. Дорога, по выходѣ въ Рештскія ворота, на небольшое разстояніе слѣдуетъ, вдоль садовъ. Съ лѣвой стороны ея, въ трехъ верстахъ, тянется скалистый хребетъ, совершенно обнаженный. Вдали, направо и налѣво, мы видѣли много деревень, но небольшихъ и почти безъ садовъ. Не доходя верстѣ трехъ до деревни Султаніе; построены на курганѣ Фетъ-Али-шахомъ дворецъ, въ которомъ онъ проживалъ по нѣскольку дней во время своихъ поѣздокъ изъ Тегерана въ Тавризъ. Нынѣшній шахъ, три года тому назадъ, также прожилъ въ немъ около полумѣсяца. Но дворецъ не поддерживается. Кругомъ хорошія пастбищныя мѣста, которыя могутъ служить для продовольствія значительнаго числа кавалеріи. Подлѣ дворца небольшая крѣпостца, съ башнями; въ лачужкахъ живутъ смотритель и нѣсколько бѣдняковъ. Въ деревнѣ Султаніе теперь до 400 домовъ; но прежде было втрое болѣе, о чемъ свидѣлствуютъ слѣды домовъ на большомъ протяженіи кругомъ. О тягости здѣшнихъ налоговъ можно судить по разсказу нашего хозяина. Онъ намъ говорилъ, что имѣетъ лавочку, въ которой продаетъ медъ и сухіе фрукты; всего товара въ ней можно положить на три тумана, и то забраннаго въ долгъ. Изъ полученнаго барыша онъ долженъ платить шесть тумановъ ежегодной подати и содержать восемь душъ семейства; кромѣ того, не избавленъ и отъ косвенныхъ налоговъ, которые, по правиламъ персидской администраціи, падаютъ преимущественно на деревни, лежащія по большой дорогѣ. Если кто окажется неисправнымъ въ платежѣ податей, тотчасъ же продаютъ все его имущество.

По срединѣ деревни обращаетъ на себя вниманіе колоссальныхъ размѣровъ полуразрушенная мечеть, восьмиугольное зданіе съ куполомъ, до 14 сажень вышины. По угламъ наверху видны остатки минаретовъ; кругомъ купола идетъ превосходный карнизъ изъ арабесковъ; съ трехъ сторонъ большія двери, окоймленныя надписями. Съ южной стороны, до половины высоты мечети, сдѣлана пристройка, внутри которой, говорятъ,

похоронены строитель и его сынъ. Наружная обшивка мечети голубая гляцовитая, точно лазурь. По преданію, тутъ былъ прежде городъ и царствовалъ султанъ Магометъ-Худа-Бенды, послѣдній изъ хулокидовъ, покорившихъ Персію. Онъ и построилъ эту мечеть. Султанъ страстно любилъ одну изъ своихъ женъ, но однажды за что-то разсердился на нее и въ гнѣвѣ провозгласилъ три раза, что разводится съ нею, и выгналъ ее изъ дому. Когда гнѣвъ прошелъ, султанъ сталъ сожалѣть объ изгнанной женѣ. По шаріату (закону) взять ее обратно султанъ не могъ иначе, какъ чтобы она вышла замужъ за другаго, провела съ новымъ мужемъ ночь, а на другой день развелась съ нимъ. Только послѣ этой формальности султанъ имѣлъ право снова жениться на прежней женѣ своей. Разумѣется, онъ этого не хотѣлъ и всячески старался, чтобы она не выходила за другаго. Ему сказали, что въ городѣ есть нѣкій мулла-Гассанъ-Каши шіитской секты (самъ султанъ былъ суннитъ), который можетъ ему помочь своими совѣтами. Султанъ призвалъ къ себѣ Гассана-Каши и, повѣдавъ ему свое горе, просилъ совѣта. Гассанъ-Каши сказалъ, чтобы султанъ собралъ на совѣтъ четырехъ главныхъ духовныхъ лицъ изъ четырехъ суннитскихъ сектъ: ханифе, шафей, малеки и хамбели. Когда всѣ они собрались, вошелъ Гассанъ-Каши, держа свои башмаки подъ мышкой. При видѣ такой дерзости, всѣ возроптали и начали выговаривать ему, какъ онъ смѣлъ явиться въ присутствіе султана, не оставивъ своихъ башмаковъ у порога. Гассанъ-Каши, обратясь къ султану, просилъ извиненія въ нарушеніи правила. „Я боялся—сказалъ онъ—чтобы съ моими башмаками не случилось того же, что случилось съ башмаками пророка, когда онъ однажды, войдя въ мечеть, оставилъ ихъ у порога, и одинъ изъ ханифе укралъ ихъ.“ Сидѣвшій тутъ глава ханифе прервалъ Гассана и объявилъ торжественно, что онъ лжетъ, ибо при пророкѣ вовсе не было ханифе. Гассанъ извинился въ своей ошибкѣ и сказалъ, что это былъ шафей. На это глава шафей возразилъ, что онъ говоритъ второй разъ неправду, ибо шафеи тогда не существовали. Гассанъ снова извинился и сказалъ, что, можетъ быть, это былъ малеки; но и тутъ глава малеки уличилъ его во лжи. Тогда Гассанъ сказалъ: „Ну, такъ навѣрно это былъ хамбели“. Глава хамбели возразилъ, что и ихъ тогда еще не было. Послѣ всѣхъ этихъ опроверженій Гассанъ-Каши обратился къ султану: „Государь—

сказалъ онъ — ты слышалъ и видѣлъ, что всѣ здѣсь сидящіе, главные старѣйшины, представители четырехъ толковъ, всѣ сунниты, въ присутствіи твоемъ опровергли меня и доказали, что при пророкѣ не было суннитовъ. Значитъ, истинная и самая древняя вѣра есть шиитская, по законамъ которой не возбраняется, и послѣ троекратнаго произнесенія развода, взять свою жену обратно къ себѣ въ домъ“. Султанъ былъ очень доволенъ доказательствомъ Гассана, тотчасъ же принялъ шиитское вѣрованіе и взялъ обратно свою жену. Впослѣдствіи онъ хотѣлъ въ построенную имъ мечеть перенести изъ г. Неджефа гробъ Алія; но однажды Алій, явившійся ему во снѣ, сказалъ, чтобы онъ его оставилъ, а на приготовленномъ мѣстѣ завѣщалъ бы похоронить себя. Тутъ же похороненъ и сынъ султана, Абу-Сеидъ, а за деревней, въ верстѣ, жулла Гассанъ-Каши, гдѣ ему поставленъ красивый памятникъ съ оградой и садикомъ.

На границѣ провинціи Хамсе, тамъ, гдѣ начинается область Казвинская, встрѣтилъ насъ казвинскій келентаръ, старшій полицеймейстеръ, мирза Немаиль, съ 30 всадниками, и привѣтствовалъ генерала съ благополучнымъ прибытіемъ. Здѣсь ожидала генерала заранѣе высланная изъ Тегерана Амиръ-Шуро-паша-ханомъ двухмѣстная карета работы Тулякова, запряженная шестью лошадьми, цугомъ попарно, съ тремя вадювыми. Лошади были отличныя, збруя европейская.

Вдоль дороги, по которой мы продолжали путь, идетъ глубокой каналъ, который беретъ начало изъ рѣки Абъ-Херь. Вода у деревни Сія-Дегенъ выходитъ на поверхность и изъ этого канала проведена къ ближайшимъ деревнямъ, по подземнымъ трубамъ. При поливкѣ полей и садовъ, особенно весной, между жителями строго соблюдается очередь: каждый хозяинъ имѣеть въ недѣлю нѣсколько часовъ для поливки; другой въ это время не вправѣ пользоваться ею. Иногда случаются изъ-за воды драки и даже убійства. Мы видѣли во многихъ мѣстахъ рабочихъ, которые копали новые колодцы или исправляли старые. Глубина этихъ колодцевъ отъ 15 до 45 аршинъ. Работы продолжаются иногда по три года. Рабочіе получаютъ по 15 и 20 к. на своихъ харчахъ. Для насъ разбита была палатка, подлѣ „яхчалъ“, т. е. подлѣ каменной лѣстницы со сводомъ, въ 4 аршина вышины и съ 35 ступенями, ведущими на дно водопровода. Вода чрезвычайно чистая; въ ней видно много мелкой

рыбы, которую, впрочемъ, никто не ловитъ. Здѣсь мы встрѣтили ѣхавшихъ изъ Тегерана въ Парижъ шейхъ-Мухлинъ-хана, который служитъ тамъ совѣтникомъ посольства, и съ нимъ трехъ молодыхъ людей, назначенныхъ въ политехническую школу. Нѣкоторые изъ насъ знали еще прежде шейхъ-Мухлинъ-хана и поэтому были очень рады встрѣчѣ. Они ѣхали на чапарскихъ лошадяхъ, чрезъ Тавризъ и Тнолисъ, въ С.-Петербургъ, откуда должны были отправиться въ Парижъ. Передъ въѣздомъ въ Казвинъ встрѣтили насъ высланный изъ тегеранской миссіи чиновникъ г. Макаровъ; немного подавѣе ожидали братья везира казвинскаго, предводитель почетныхъ горожанъ хаджи-Гусейнъ, весь штатъ полиціи, до 200 человекъ всадниковъ и заводимыя лошади (едеки). Наконецъ, вышли два скорохода (шатыръ), въ желтыхъ кулядже, бѣлыхъ чулкахъ, банмакахъ, въ красныхъ шапочкахъ и съ палками въ рукахъ. У городскихъ садовъ стояли 40 человекъ феррашей, которые, поклонившись, пошли впереди насъ по два въ рядъ. Мы въѣхали воротами „Дервазы-Шахзде-Гусейнъ“, у которыхъ построена чрезвычайно оригинальная и красивая мечеть Имамъ-Задешахде-Гусейнъ. Здѣсь похороненъ шахъ-Гусейнъ, и здѣсь же есть бестъ (убѣжище), гдѣ скрываются преступники, а иногда и должники отъ преслѣдованія кредиторовъ. Порою и сановники, недовольные шахомъ, уходятъ въ бестъ, и если шахъ нуждается въ сановникѣ, то его претензію удовлетворяютъ и онъ возвращается на службу. По древнимъ обычаямъ, силой никто не имѣетъ права взять укрывшагося въ мечети. Духовенство кормитъ на свой счетъ всѣхъ живущихъ тамъ.

Городъ Казвинъ окруженъ стѣной, какъ и всѣ города въ Персіи; но онъ не въ состояніи защищаться отъ непріятеля, хотя по расположенію могъ бы быть первокласною крѣпостью, невзирая на то, что лишенъ проточной воды. Этотъ недостатокъ былъ бы еще чувствительнѣе для осаждающей арміи, потому что въ самомъ Казвинѣ много водохранилищъ, между тѣмъ какъ окрестности города почти безводны. Въ городѣ считается до 1,000 домовъ и до 60,000 жителей, много базаровъ, большая торговая площадь, на которой неизмѣрная суетня: продаютъ хлѣбъ, зелень, огородные овощи, фрукты, саманъ, крова, старое платье и обувь. По улицамъ часто попадаются спуски (яхчалъ) къ водохранилищу. Въ городѣ расположены одинъ полкъ пѣхоты и до 100 артиллеристовъ. Изъ мечетей, по

своей архитектурѣ и величинѣ, обращаютъ на себя вниманіе три: Месчиди-Шахъ, Имамъ-Дясума и Шахаде-Гусейнъ; изъ зданій же замѣчательнѣе, кажется, только одинъ дворецъ Аля-Каны, гдѣ намъ назначили помѣщеніе. Сюда ведетъ большая аллея въ 12 сажень ширины и 150 длины, обсаженныхъ платанами и деревьями, похожими на липу; входъ во дворецъ чрезъ высокія ворота изъ цвѣтнаго кирпича на большой дворъ, посреди котораго бассейнъ, окруженный въ четыре ряда платановыми деревьями до десяти сажень вышины. Въ лѣвомъ углу на дворѣ четырехугольная и четырехърусная башня, гдѣ содержался лѣтъ 15 сынъ Зили-султана. Со двора, чрезъ стѣну, есть входъ въ обширный садъ, посреди котораго красивый киоскъ; направо отъ входа домъ съ нѣсколькими комнатами; въ одной изъ нихъ, въ пріемной залѣ, былъ поставленъ столикъ и на полу пять деревянныхъ и пять оловянныхъ круглыхъ подносовъ, наполненныхъ сахаромъ, чаемъ, сладостями и фруктами. Здѣсь встрѣтилъ генерала Минквица везиръ хаджи-мираза-Азисъ-Сендъ, управляющій провинціею за отсутствіемъ паши-хана, который, какъ важный сановникъ, живетъ въ Тегеранѣ. Везиръ, почтенный старикъ, подслѣповатый, съ особеннымъ почтеніемъ поздравилъ генерала съ прибытіемъ и просилъ погостить подолѣе. На второмъ дворѣ, въ одной изъ комнатъ помѣщается тюрьма. Здѣсь я видѣлъ толстое бревно, по концамъ прикованное къ полу; въ верхней части бревна вырублено восемь полукруглыхъ углубленій, въ которыя вложены правыя ноги преступниковъ; сверху протянуть въ кольца желѣзный толстый пруть, запираемый при одномъ концѣ бревна замкомъ. Кромѣ того преступники скованы вмѣстѣ за шею одной цѣпью. Всѣ они сидятъ, не въ состояніи встать и высвободить ногу. Двое сидѣли отдѣльно въ углу, прикованные за шею и ноги цѣпями къ стѣнѣ; двое были въ колодкахъ. Одни содержались за убійство, другіе за грабежъ и воровство. Внутри и извнѣ караулъ изъ 20 сарбазовъ, при утерѣ-офицерѣ. Всякій посторонній можетъ входить свободно къ преступникамъ, давать имъ деньги, хлѣбъ и табакъ.

Изъ Казвина дорога слѣдуетъ долиной. По лѣвой сторонѣ, въ пяти верстахъ, тянется большой, покрытый снѣгомъ, хребетъ горъ: это водораздѣльный хребетъ, идущій отъ Аiburраа мимо Тегерана. У подножія горъ много деревень; направо же деревни построены въ родѣ крѣпостей, но всѣ въ развалинахъ и

заброшены. Вообще отъ самаго Аракса на путешественника производить непріятное впечатлѣніе виды деревень вблизи дороги, потому что почти всѣ онѣ въ развалинахъ и покинуты жителями, которые уходятъ дальше, въ глубь страны. Еще при Магометъ-шахъ жители терпѣли отъ своевольства проходящихъ сарбазовъ, которые брали все силой и ни за что не платили. Нѣкоторыя деревни, принадлежавшія матери нынѣшняго шаха, разорены оттого, что она наложила двойныя подати. Когда крестьяне объявили, что не могутъ платить, мать шаха приказала разорить деревни.

Отъ Зіябада до Тегерана и далѣе, на разстояніи пяти и болѣе верстъ другъ отъ друга, попадаются большіе курганы, всѣ почти вытянутые по прямой линіи. Прежде жители разрывали ихъ и находили разныя вещи; но правительство, въ предположеніи богатствъ, скрытыхъ въ курганахъ, стало наказывать разрывавшихъ, и теперь жители боятся даже близко подходить къ нимъ. Я много спрашивалъ объ образованіи кургановъ; но никто не могъ мнѣ ничего объяснить положительно. Можно думать, что въ древности это были сторожевыя башни.

Въ деревнѣ Кереджъ, обнесенной стѣной съ башнями (въ длину по семи башенъ, а въ ширину четыре башни), обращаетъ на себя вниманіе большой дворецъ Сулейманіе, съ тремя дворами и множествомъ комнатъ. Въ одной изъ залъ, на западной стѣнѣ, нарисованъ портретъ Фетъ-Али-шаха, окруженнаго принцами и свитой, а на противоположной стѣнѣ портретъ Ага-Магометъ-хана, тоже окруженнаго принцами изъ каджарской династіи. Въ 1207 году хиджры, т. е. 73 года тому назадъ, этотъ ханъ взялъ Тифлисъ. Стѣны и потолки разрисованы и украшены зеркалами; окна рѣшетчатыя, изъ цвѣтныхъ стеколъ. Дворецъ построенъ 55 лѣтъ тому назадъ, Фетъ-Али-шахомъ, для своего любимаго сына Сулеймана-мирзы, почему и названъ „Сулейманіе“; но зданіе начинаетъ разрушаться. Комнаты въ немъ всѣ холодныя. Теперешній шахъ рѣдко прѣзжаетъ сюда.

Въ двухъ часахъ или въ 14 верстахъ не доѣзжая Тегерана, мы имѣли ночлегъ въ деревнѣ Кендъ, раскинутой почти на три версты въ длину. Кругомъ и внутри ея богатые фруктовые сады; посрединѣ, во всю длину, широкая канава. Дворовъ считается 700. Жители платятъ податей 2,000 тумановъ и занимаются исключительно садоводствомъ. Здѣсь самыя вкусныя

гранаты и фиги, также груши, яблоки и такъ называемыя шишки, величиной съ грецкій орѣхъ, чрезвычайно сочныя и сладкія. Въ годъ продается фруктовъ на 8,000 тумановъ. Это первая деревня, гдѣ жители не говорятъ по-татарски.

И. ОГРАНОВИЧЪ.

(Окончате въ слѣдующемъ номерѣ.)
